

пролог

2 октября

Говорят, что если ампутировать ногу, то человек иногда все равно чувствует ее, машинально тянется почесать пятку, ощущает боль в призрачной конечности.

Цвета накрепко запомнила эту историю, которую ей еще в начальной школе рассказала соседка, работающая медсестрой.

— Схема тела, — выдала медсестра, словно озвучивая диагноз, когда маленькая Цветана однажды описала ей свои необычные... сны?

— Схема тела, — повторила Цвета, невольно рисуя в мыслях красный кружок сердца, а от него стрелочки к другим кружкам: голове, легким, рукам, ногам. А ведь есть еще печень, уши, глаза, желудок... Волосы тоже считаются? Нет, если их отрезать, волосы не болят и, хотя хочется привычно провести ладонью дальше, пальцы соскальзывают в пустоту.

— Да, схема тела. Мозг твой, — тетя Оля постучала себя по лбу, — вернее, твое сознание имеет представление, как устроено это самое тело.

Сознание. Цвета попыталась переместить главный красный кружок из сердца в голову своей воображаемой схемы, но у нее не получилось. Не ощущает она схему тела этим самым сознанием.

— Но у тебя руки-ноги на месте, не переживай, всё на месте! — бодро заключила тетя Оля. — Так что ничего страшного. Соблюдай режим, ешь больше овощей, фруктов и не смотри всякую дрянь на ночь...

Сейчас девятиклассница Цвета лежала в постели и прокручивала в голове этот давний разговор. У нее и правда все было на месте.

Но в то же время не было ничего. Она не чувствовала боли, а еще тепла или холода, вообще не ощущала свое тело, не могла пошевелить собственными руками и ногами, даже глаза открыть не могла. Цвета словно оказалась в саркофаге. И какой толк в том, что все на месте? Человек чувствует боль даже в ампутированной ноге, а она не чувствует ногу, которая у нее есть.

Цвета попыталась представить свое тело до мельчайших подробностей, нарисовать в голове эту самую схему себя. Вдруг, если вспомнить каждую деталь, она сможет вернуть свое тело? Цвета так однажды описывала в объявлении о пропаже свой кошелек. И его вернули.

Волосы длинные, темно-русые. Нос острый, губы тонкие, родинка на правой щеке. Мама говорит, что это родимое пятно похоже на сосновое семечко — зернышко с одним крылышком. Одно крылышко — звучит грустно, Цвете не хотелось бы иметь такой тотем.

Так, что дальше? Белые пятнышки на ногтях. Указательные пальцы на ногах длиннее больших пальцев. Кстати, на ногах

ведь эти пальцы тоже называют указательными? Надо будет загуглить. Когда получится.

С Цветой все было в порядке. Просто иногда тело вдруг переставало слушаться, будто отделялось. Сама Цвета просыпалась, а вот тело — нет.

«Гугл» говорил, что такое состояние называется сонным параличом, и вторил медсестре: ничего страшного. После тридцати пройдет. Цветане было пятнадцать. Осталось подождать еще столько же — и все пройдет. Это звучало как насмешка, ведь минуты в таком состоянии становились тягучими, вязкими. Было страшно лежать в ожидании, пока снова приклеишься к телу и сможешь им управлять. Так себя чувствуют парализованные люди? Тоже думают, что тело им не принадлежит?

Будто одолженное. Или украденное...

Цвета знала, что должна расслабиться. Хотя бы попытаться. Этот ступор не опасен — все так в интернете пишут; просто мозг проснулся, а тело еще нет. Но вдруг оно больше никогда не проснется? Откуда ученые взяли, что такое «отлипание» сознания неопасно? Похоже на ту самую ошибку выживших, когда дельфинов считают добрыми, потому что они толкают людей к берегу, а кто расскажет, скольких они унесли в открытое море? Вдруг Цвета уже в открытом море и никогда больше не вернется в свое тело, вдруг просто скажут, что она умерла во сне?

На Цвету нахлынула паника. Мысленно она закричала и продолжала орать до хрипоты: «Мама! Мама! Лорд! Граф! Разбудите меня!» Но наружу не вырывалось ни звука, и никто не спешил ей на помощь. Мама спала в своей комнате, лабрадоры делили коврик в прихожей. Псы бурчали на каждый шорох за дверь, но даже их чуткий собачий слух не улавливал ее отчаянных криков.

Никто ее не спасет. Прощайте!

Цвета вздрогнула так, что ее будто подкинуло в постели. Но нет, она спокойно лежала под одеялом. Хотя тут же резко села.

Уф, вот ее руки, ее ноги, пальцы шевелятся, голова поворачивается. Глаза видят яркие розовые обои и приклеенную скотчем картинку — страничку из детской книги. На иллюстрации златовласая Дюймовочка и принц в короне стоят на цветке. Да, она видит.

Тело вновь ее. И Цвета снова целая.

Это должно было радовать. И порадовало на короткий миг.

А потом она посмотрела в окно и вспомнила, что ей сегодня предстоит.

Г Л А В А 1

ПОМОГИТЕ НАЙТИ

6 октября

— Ну и жаррица! — Демьян расстегнул куртку. — И не подумаешь, что уже октябрь. Хоть в футболке ходи!

Демьян, которого все звали просто День, прищурился и поглядел на солнце. Оно напоминало медузу, раскинувшую в стороны золотистые щупальца.

— Так напятишь на себя тыщу свитеров, еще куртку сверху, и ходишь потом вздыхаешь, — фыркнул Ром по прозвищу Ночка.

Сам он был в легком черном плаще и тонком, опять же черном джемпере.

— Не тыща у меня свитеров, а одна толстовка! — День скинул синий капюшон со светлых мягких кудрей. — Да и утром холодно было, туман еще такой мерзкий!

— Так ты не калиновыми мостами ходи, а человеческими тропами, — не отцеплялся Ночка. — Там теплее, поверь.

— Ты мне лучше скажи: тебе самому-то сейчас как? Солнышко не жарит? Как вы, вампиры, или, верней, упыри, от солнца

спасаетесь? — начал в свою очередь подкалывать друга День. — Твой черный плащик не сильно печет? Огнетушитель с собой взял? А то вспыхнешь еще, что я делать буду? Зефир жарить?

Ночка снова фыркнул, а День все не унимался:

— Или ты в креме с SPF-100 прямо в плаще замачиваешься?

— Нет, я в таком креме топлю тех, кто зовет меня готом или упырем! — огрызнулся Ночка.

Некоторые — особенно парни, не понимавшие, почему к Ромке Князеву липнут чуть ли не все девчонки в школе, — и правда дразнили Ночку готом и вампиром. День знал, что друга бесят эти прозвища, прицепившиеся к нему из-за черной одежды, бледной кожи, сумрачного взгляда и темных, рвано стриженных волос до плеч с белыми прядками на макушке. Но готом, а уж тем более упырем, Ночка не был. Просто любил этот цвет. «С черным, — говорил он, — никаких забот: меньше мучений в магазине, просто бери все однотонное». Да и нравилось Рому, как он выглядел в этом цвете, — приятно было в зеркало посмотреть. В отражении (а отражение у него было, не то что у всяких упырей) он видел парня стильного и загадочного. А еще черный цвет соответствовал его прозвищу Ночка. Но черепа, кресты, ворон и подобную мишуру он не любил и злился, даже не обижался, а злился, когда ему дарили такую атрибутику. Можно подумать, вся эта ерунда непременно идет в нагрузку к черному, назойливо прилипая, как кошачья шерсть к одежде.

Ночка был далек от готики, он любил былины и русские сказки. Помнил еще с детства, как Маленькая мама рассказывала ему про Змея Горыныча, Соловья-Разбойника, про бой на Калиновом мосту. У Ночки была книга с богатырскими сказаниями. Ветхая, обтрепанная, с желтыми от времени страницами, цветными картинками и церковными маковками на форзаце, которые воспринимались маленьким Ночкой

сказочными замками. По этой книге он учился читать, а кое-где на страницах сохранились его первые художества: звезды, солнышки, молнии и какие-то завихрения. Ночка до сих пор, уже перейдя в выпускной класс, листал эту книгу, когда было грустно, — в последнее время все чаще. Читал про могучих богатырей. Про великана Святогора, который на плече возил хрустальный дворец своей жены, а конь его был словно лютей зверь, из чьих ноздрей вырывалось пламя. Про славного Вольгу-оборотня, который прикидывался то оленем, то щукой, то орлом, то ласточкой, а иногда даже муравьем, каплей воды и человеческой мыслью. Про «поздний цветок» Илью Муромца, который нашел свое предназначение в тридцать три года. Там и тут на пестрых картинках бородатые мужи в кольчугах и ярких плащах вершили ратные подвиги.

Однажды благодаря этой книге в классе Ночки даже появилась Дружина — княжеское войско. А фамилия у Ночки была Князев...

— Эй, ты дымишься! — воскликнул вдруг День. — Прячься скорее в тень!

— Надоел! — бросил Ночка.

Он отвернулся от друга и вдруг застыл, глядя на объявление «Помогите найти», криво наклеенное на фонарный столб. С расплывчатого черно-белого фото на него исподлобья взирала сердитая девчонка.

— Эй! — привлек внимание друга Ром. — Не эта красотка к тебе подкатывала? У школы, помнишь? Феникса еще ждали.

День взглянул на объявление, и по его спине неприятно побежали мурашки. Целый легион мурашек, словно на него высыпали ведро муравьев. Потому что...

— Да, это она.

Длинные темные волосы, только прическа другая. В тот день, когда они виделись, у девчонки на макушке две пряди были

закручены озорными рожками. Но родинка на щеке, словно грязью мазнули, точно такая же. Брови так же нахмурены, губы поджаты, и имя это дурацкое — Цветана. Цвета. Точно она.

— Пропала, — констатировал Ночка.

— Не слепой, — буркнул День, не отводя взгляда от фото.

На фоне других объявлений — красного «Денежные кредиты», желтого «Куплю квартиру», кислотно-розового «Работа для студентов» — эта листовка оглушительно белела, и черные крупные буквы словно кричали именно им: «Помогите найти!»

— Надеюсь, не из-за тебя? — нахмурился Ром.

День угрюмо глянул на друга.

— Ладно, я пошутил. Неудачно, — сдал назад Ночка.

Хотя он не шутил, но Демьяну необязательно об этом знать. Да уж, каково бы ему самому пришлось, если бы девочка, которую он отшил, вдруг куда-то девалась? А может, она еще и записку накатала?

«Прошу винить такого-то парня из школы такой-то».

Расспросы, дознание, наверняка скоро следователи нагрянут к ним в класс. Но кто же знал, что она пропадет?

День от души пнул жестяную банку из-под колы, которую кто-то бросил мимо урны, и пошел дальше. А Ночка напоследок еще раз глянул на хмурюю девочку. Теперь ему показалось, что смотрит она зловеще. Будто отомстила им.

Ночка поспешил за Днем.

— Слушай...

— Все, закрыли тему! — отрезал тот.

— Да я не о ней! Пойдем ко мне! Что тебе дома делать? — предложил Ночка.

День скептически глянул на друга.

— Там твоя мамка-потрошитель. Не пойду.

Ночка безнадежно вздохнул. В последнее время друзья прозвали его Маленькую маму потрошителем. До переезда

оставался еще месяц, а она уже всю перетряхивала коробки, которые забирала из соседней аптеки, — складывала вещи, снова доставала их, и в доме Князевых невозможно было хоть что-то найти. Теперь никто из друзей не хотел погружаться в этот хаос, а ведь раньше Дружина постоянно собиралась у Ночки. По правде говоря, Ром и сам не горел желанием возвращаться домой, но День не позвал его к себе, только добавил отмазу:

— Да и моя мама просила не задерживаться, помочь ей с чем-то нужно.

— Добрый День, — пробурчал Ночка фразочку, которая в их компании стала дежурной шуткой.

Вообще-то все началось с «Белого Дня» — фамилия у Демьяна была Белый, а потом пошли и вариации: «Добрый День», «Самый лучший День» и тому подобное.

Сейчас Добрый День вел себя совсем не по-доброму и явно хотел избавиться от Ночки.

— Если отправишься ее искать, то свистни, — на всякий случай предупредил его Ром.

— Отвали уже! — День снова пнул банку.

— Я серьезно, — не унимался Ночка.

— Да я видел ее тогда в первый и последний раз! Что мне теперь, гоняться за каждой городской сумасшедшей? — огрызнулся День.

— Но она же тебя знает, — напомнил Ночка.

— И что? Может, мы встречались на какой-нибудь областной олимпиаде. Я не обязан знать всех девчонок, которые положили на меня глаз!

И то верно. День был весьма популярным парнем. На четырнадцатое февраля школьный почтальон приносил ему чуть ли не мешок валентинок. Даже больше, чем Ночке. И это немного уязвляло последнего.

Ром дружески пихнул Демьяна в плечо.

— Забей! Наверно, эта, — он указал на столб с объявлением, — уже нашла себе другого и растворилась с ним в прекрасном далёко, а все теперь ищут, беспокоятся, и ты страдаешь.

День заметно расслабился, почувствовав поддержку друга.

— Надеюсь, что так, что с ней все норм, — пробормотал он и с силой наступил на жестянку.

Дальше они брели молча, пока не пришло время расстаться на перекрестке. День пошел направо, а Ночка налево.

— До завтра, — махнул рукой День.

— Может, вечером соберемся Дружиной? Погуляем? — предложил без особой надежды Ночка.

— Я же сказал. Сегодня никак, — нервно тряхнул светлыми кудрями День, а потом застегнул вдруг куртку и накинул на голову капюшон толстовки.

Несмотря на лучистое, все еще греющее не по-осеннему солнце, Демьяна вдруг зазнобило. Не помогла и «тыща свитеров».

Хоть он и показывал всем своим видом, что ему плевать на пропавшую девчонку, это было совсем не так. Он не мог забыть, как пару дней назад она в слезах убежала от Дружины.

Кажется, все было куда серьезнее, чем он думал.

Так что же с ней все-таки произошло?

Г Л А В А 2

КОГДА БАБУШКА — ВЕДЬМА

2 октября

Глафира возилась в палисаднике. Это был кусочек земли перед старенькой двухэтажкой, огороженный корявым забором из остатков плитусов, реек, обрезков досок и других ремонтных ошметков, которые она находила иногда в закутке с мусорными баками.

Глафира вырывала календулу и состригала со стеблей последние оранжевые цветки, чтобы засушить их для травяного сбора, — на днях обещали первые заморозки. Она торопилась, ведь нужно было еще подготовить крошечные грядки и клумбы к зимней спячке и убрать огуречные лианы, обвинявшие хлипкий заборчик.

Привлекая внимание, Цвета кашлянула, но старушка, что-то бубня себе под нос, продолжала обезглавливать ноготки.

Цвета снова безрезультатно кашлянула.

Как позвать-то ее? Бабушка? Но она не была до конца уверена, что перед ней ее

бабушка, ведь они так давно не виделись, не общались. Цвета помнила ее смутно, из раннего детства — размазанным ярким пятном с конфетами.

Раз в месяц в почтовом ящике оказывался конверт с деньгами. Раньше Цвета боялась, что письмо вскрыет почтальон или хулиганы утащат его из ящика. Ведь такое, говорили, иногда случалось с письмами, а бабушка отправляла деньги самым ненадежным способом, как будто больше никак нельзя было их передать. Но конверты, всегда бесперебойно, приходили целехонькие, со всем содержимым. И даже разные почтовые задержки не имели над ними власти. Марки были погашены — письма точно кидал в ящик почтальон, хоть в обратном адресе и значился тот же город.

В детстве Цвета вырезала из конвертов картинки и клеивала их в альбом. Такое у нее было хобби. Уже позже она узнала, что не одна такая и у этого вида коллекционирования даже есть отдельное название — сигиллатия.

Цвета проверяла почтовый ящик ежедневно, и даже маленький ключик от него висел на ее брелоке, а не у мамы. Девочка вытряхивала рекламную макулатуру, забирала квиточки, а в заветный день ей в руку выпадал конверт. Если он показывал ту сторону, на которой учили писать индекс, то Цвета несколько секунд гадала, какой же будет картинка под адресом отправителя. А потом переворачивала письмо.

Она радовалась, когда обнаруживала нарисованных животных, растения и сказочных героев. Иногда попадались портреты людей, изображения памятников и рисунки к специфическим датам, типа «столько-то лет Федеральной архивной службе России». Такие картинки Цвета тоже вырезала, но клеивала их в конец альбома.

По праздникам обычно приходили красивые поздравительные конверты. Особенно девочке нравились новогодние,

с пушистыми елками, для которых была выделена отдельная страница в альбоме. Цвете хотелось собрать больше лесных пейзажей, но они ей почти не попадались.

Бабушка никогда не писала письма, но в праздничные конверты, кроме денег, вкладывала открытки. Крупные круглые буквы поздравляли от имени Глафиры «дочь Веру и внучку Цвету».

На самом конверте этим же крупным почерком был выведен адрес. Больше никто Цвете и ее маме не писал, хотя девочка мечтала, что когда-нибудь придет письмо от папы. Мама говорила, что он живет во Франции. Но из года в год мечта оставалась мечтой, а потом и вовсе завяла.

Незаметно для самой себя Цвета выучила бабушкин адрес. Как-то раз она даже нашла прямоугольник бабушкиного дома на гугл-карте. Глафира жила довольно далеко от них, на другом конце города, но на автобусе можно было доехать без пересадок почти от дома до дома.

— Мам, а почему бабушка не приезжает в гости?

— Не может.

— А почему мы к ней не ездим?

Мама отмалчивалась. Но Цвета с мамой редко разговаривали по душам, так что девочка принимала и такой ответ. Читая про Красную Шапочку, она мечтала, что когда-нибудь тоже отправится к бабушке в гости.

Эта мечта сбылась.

И вот сейчас Цвета стояла перед домом с тем самым адресом, что был указан на всех конвертах, и, возможно, даже перед собственной бабушкой.

Пожилая женщина в палисаднике, сосредоточенно возившаяся с растениями, напоминала медведицу в зоопарке, которая занимается своими делами в вольере, не обращая внимания на жизнь вокруг.

Цвета пнула окурков с асфальтовой дорожки в траву и неожиданно поняла, что ей делать. Как она сразу не догадалась? Это же очевидно!

И она звонко воскликнула:

— Здравствуйте!

Несколько голубей, клюющих невидимые крошки на канализационном люке, лениво вспорхнули и тут же снова уселись на землю.

Глафира подняла голову, растерянно глянула на девушку, потом нахмурилась и распрямилась. На ней была тонкая зеленая куртка, из-под которой выглядывал подол фартука. С тазиком, полным цветочного пламени, в руках она походила на Гринча, укравшего на этот раз не Рождество, а лето.

— Ты как здесь очутилась? — без приветствия спросила Глафира.

Кажется, бабушка была ей не рада. Цвета, конечно, не ожидала ласковой встречи — все-таки они не общались, хоть и жили в одном городе. Но ей казалось, что Глафира просто не узнаёт ее и придется представиться: «Я ваша внучка», — а теперь складывалось впечатление, что они хорошо знакомы. Или это бабушка хорошо знакома с ней?

— На автобусе приехала, — проямлила Цвета и вдруг протянула руку с целлофановым пакетом, словно явившись с доброй охоты. В тесноте пакета мяли друг другу бока пышные круассаны. — Купила к чаю.

— Ты на чай? — удивилась Глафира.

— Навещаю бабушку с пирожками, — смущенно хмыкнула Цвета.

Вот она и сказала это слово. Бабушка.

Но та в ответ хмурилась и молчала. И приглашать на чай, похоже, не собиралась.

Цветана покосилась на окна ветхой двухэтажки. Дом словно замер, не жужжал телевизорами, не пах готовящейся

едой, хотя за занавесками вполне могли таиться глаза и уши. Цвета тоже не жаждала распивать чай с малознакомой женщиной, пусть и бабушкой, она пришла с серьезным разговором. Не для улицы.

— Мне нужна твоя помощь, — наконец выдавила Цвета. — Вопрос жизни и смерти...

И огляделась в испуге, начав разговор, который уже много раз разыграла по ролям в своей голове. В фантазиях голос ее не дрожал.

И вот, в смущении бегая взглядом, Цвета впервые заметила ее.

Девушка сидела на скамейке у соседнего подъезда под сенью побитых дождем цветов, которые, кажется, назывались золотыми шарами. Цветы, склонив тяжелые желтые головы и грузно оперевшись на специально сделанные для них костыли-подпорки, заключали скамейку в уютную беседку. И в этой беседке, будто в золотой карете, расположилась пышноволосяя Барби-принцесса, беспечно болтая ногами в белых кроссовках. Незнакомка казалась такой красивой, что это даже отталкивало. Она походила на луч света и словно отражала яркость этих золотых шаров. Цвета почувствовала себя неуютно в своей дешевой неистово розовой ветровке и старых ботинках.

Глафира вытерла о подол фартука руки, липкие от цветочного сока, проследила за взглядом внучки, а потом перешагнула в низком месте через заборчик палисадника.

— Ну, раз жизни и смерти, — хмыкнула она.

Презрительно.

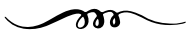
Цвета вздрогнула и покраснела еще пуще. Но это было именно так — «жизни и смерти», иначе она бы не отважилась явиться к бабушке.

Глафира потянула за ручку старую деревянную дверь без домофона, от которой

веяло... безопасностью? Цвета давно не видела деревянных подъездных дверей. Везде железные, и квартирные двери — железные, и вдобавок решетки на окнах, как будто город готовился к зомби-апокалипсису. А этот дом не защищался, доброжелательно хлопая ветхой деревяшкой.

Цветы вошла в подъезд следом за Глафирой.

Пару недель назад Таня, соседская девчонка, догнала Цвету, когда та вывела на прогулку лабрадоров.

— Хочешь, я буду помогать выгуливать собак? — спросила она.

— Чем ты мне поможешь? — удивилась Цвета, оглядывая соседку, которая была лет на пять младше и не особо годилась в подружки. — И с чего вдруг? Щенка собираетесь брать?

Таня вздохнула:

— Я бы хотела, но родители против. — И сообщила вдруг важно: — А моего брата к твоей бабушке водили, знаешь?

— Зачем? — удивилась Цвета.

Она натянула поводки, придерживая торопливых лабрадоров, чтобы Таня не отставала.

Глаза девочки возбужденно заблестели, кажется, ее распирало от какой-то удивительной новости, и Цвету это насторожило.

— Так лечить от испуга! Он как-то...

Но Цвета перебила:

— А бабушка моя, значит, вылечила?

Она и не знала, что Глафира — врач.

— Ага! — энергично закивала Таня. — Твоя бабушка — вот такая знахарка! — Девчонка оттопырила большой палец на кулачке. — Круто иметь такую бабулю!

Цветы растерялась и машинально спросила:

— А как она ему помогла?

Глаза соседки разгорелись. Видно, домашние запретили ей болтать про «лечение», но со знахарской внучкой ведь можно же!

— Наказала принести перья сороки.

Цвета в изумлении подняла брови.

— Родители в интернете нашли, — гордо пояснила Таня, — и нам в конверте прислали из Архангельска!

Чего только не продают на сайте объявлений...

— Перья эти знахарка, то есть бабушка твоя, сожгла, смешала с заговоренной водой и наказала брату пить по столовой ложке. И Шурке помогло! Не заикается больше!

Интересно, а сможет бабушка заговорить какое-нибудь перо на избавление Цветы от сонного паралича?

Таня же, понизив голос, продолжала сочинять сказки:

— Я знаю, что и ты наколдованная.

Цвета фыркнула:

— Чего?!

Да уж, сегодня день удивительных открытий.

— Я все знаю, — хитро сощурилась соседка. — Но будь спокойна, я не выдам твою тайну.

— И что же ты знаешь? — усмехнулась Цвета.

— Тетя Вера не могла иметь детей, — заявила Таня, следуя за девушкой по пятам, — и тогда твоя бабушка скормила ей сосновое семечко. Это тетя Вера сама моей маме рассказала, давно уже, когда закуску принесла. Меня еще тогда не было.

Цвета снова фыркнула:

— И меня, видно, тоже.

— Ты как раз через девять месяцев родилась. Мама эту историю вспомнила, перед тем как Шурку вести.

Цвета невольно коснулась родинки на щеке, похожей на сосновое семечко, и съязвила:

— Больно много ты знаешь!

— Я под дверью подслушиваю, — раскололась Таня.

— То есть я девочка-семечко? Мама моя — сосна, а отец — леший? — посмеялась Цвета. — Почему же имя у меня такое? Скорее полевое, луговое какое-то, а не лесное.

Маленькой соседке не понравился тон знахарской внучки. В колдовство она верила — брату же помогла вода, настоящая на пепле сорочьих перьев. А вот Цвета смеялась над подобными сказками. Ладно сосновое семечко, но чтобы ее мама хотела детей? Да так сильно, что даже прибегла к колдовству? В этом Цвета очень сомневалась.

Ей всегда казалось, что она недоразумение в жизни мамы. Хотя, может, та просто мечтала о лучшей дочери? А с Цветы что взять? Училась она слабо, в основном на тройки, ничем особо не увлекалась, кроме картинок с конвертов, да и те уже больше не вырезала — надоело. Друзей у нее не было. Цвету не то чтобы не любили в классе, просто не замечали. И это оказалось куда хуже, чем если бы ненавидели. Мама тоже всегда была отстраненной, как будто равнодушной к ней. Она не обижала дочь, даже брала ее на свои занятия с собаками — Вера была кинологом. Цвета помогала расставлять конусы, придерживала за поводок маминых воспитанников, прятала сосиски для отработки неподбора, а мама за это давала ей карманные деньги. Но Цвете частенько казалось, что с мамой они живут больше как соседи, чем семья. А папа и вовсе растворился во Франции. Даже в свидетельстве о рождении в графе «отец» у нее был прочерк.

Вот и маленькая соседка заметила Цвету, только когда узнала, что она внучка знахарки. Но надолго ли хватит этого энтузиазма?

А к знахарке неплохо было бы сходить...

И вот Цвета здесь.

Она вошла вслед за Глафирой в тесный коридорчик. Бабушка жила на первом этаже, в обыкновенной квартирке с окнами, выходящими на палисадник, с пестрыми обоями на стенах, советским трюмо и цветистым узорчатым пала- сом, который красной дорожкой начинался сразу после при- дверного резинового коврика. Ничего ведьмовского, колдов- ского, знахарского.

Глафира скинула галоши. Цвета снова протянула ей кру- ассаны, не зная, куда их девать.

Бабушка взяла пакет резко, почти вырвала. Руки Цветы за- дрожали, но она решительно расшнуровала ботинки и после- довала за Глафирой на кухню, не снимая ветровки. Без при- глашения она выдвинула из-под стола табуретку и присела.

Кухонька была такой крошечной, что табуретка оказалась почти в коридоре. Цвета нервно цеплялась глазами за пред- меты, избегая смотреть на бабушку. Кран над раковиной был заткнут винной пробкой. Цвета сначала удивилась даже не са- мой пробке, а тому, что она идеально подошла по диаметру к отверстию крана. Хотя, может, бабушка ее немного подстро- гала? От тараканов, что ли? Хотя те вроде не ползают по тру- бам. Или ползают? Цвета мало что знала об этих насекомых.

На холодильнике в трехлитровой банке колыхался мер- твой медузой чайный гриб цвета застиранной тряпки. Цве- та вспомнила, что и у них когда-то был такой питомец. Мама звала напиток, который готовил в банке гриб, чайным ква- сом, Цвета же выражалась по-модному — комбуча. Но пить эту комбучу не любила, мама тоже не пила, хоть и говорила, что квас очень полезен. И гриб-питомец быстро захирел, по- тому что ему вечно забывали подливать чай. Интересно, их почивший гриб приходился родственником этому?

Мама и бабушка виделись?

Да нет, эти грибы одно время обитали,
кажется, у всех.

Цвета скользнула взглядом по белому телу холодильника в цветных бородавках магнитов и вдруг увидела свою фотографию: она щурилась от солнца и выжимала воду из мокрых волос. Июньский отдых на море.

Находка сначала удивила Цвету, а потом неприятно кольнула.

Все-таки мама и бабушка виделись.

Конечно, мама тоже могла отправить фотографию обычным письмом, но держалась та на магните из Сочи. Этот упитанный мультяшный дельфин точно не влез бы в конверт. А мама, покупая голубую животину в сувенирной лавке, сказала: «Для коллеги». И ни слова о бабушке.

Но если мама и навещала бабушку, то, наверно, очень редко — деньги всегда приходили по почте.

Глафира приподняла с плиты чайник, чтобы определить по весу, сколько там воды. Цвете показалось, что совсем немного, но бабушка все равно зажгла газовую конфорку. Уже через минуту чайник засвистел.

Цвета украдкой разглядывала бабушку, узнавая в ней черты мамы и даже свои собственные. Остроносая, тонкогубая, узколикая. Только волосы у бабушки и мамы были не длинные, как у Цветы, а подстриженные ровным каре до подбородка. У бабушки, правда, прическа была с перышками седины, а лицо смялось морщинами.

Такой Цвета станет, когда постареет.

Если постареет.

Глафира достала чашку из шкафчика. Одну. И чайный пакетик. Да уж, какая из бабушки знахарка, если она пьет пыль, на которой лежали чайные листья.

Сама Цвета любила травяные сборы. Жаль, что приходилось покупать их в аптеке или супермаркете. Дачи у них не было, а в лес они не ездили. Вроде даже была уважительная

причина: однажды Цвета заблудилась в лесу. Но она не помнила этого — совсем маленькая тогда была.

Кипятка хватило на полчашки. Глафира придвинула к внучке наполовину полную, а скорее, наполовину пустую — сейчас Цвета была пессимисткой — чашку и сделала шаг от стола, прислонившись к подоконнику и скрестив на груди руки.

— Что за дело? — спросила она.

Цвета облизнула сухие губы, надавила на тельце чайного пакетика ложечкой, и в воде расплылось малиново-красное пятно.

Цвета, сделав глубокий вдох, выдохнула всего одно слово:

— Приворот.

И покраснела сконфуженно, словно вдруг громко икнула и теперь не знала, куда себя деть.

Приворот.

Да, ей казалось это куда нужнее, чем избавление от страшного сонного ступора.

Цвета по жизни была невидимкой. В буквальном смысле. Она не просто теряла контроль над своим телом, но и упускала его совсем — оно будто растворялось. Тогда как одноклассники росли, дружили друг с другом, ссорились, мирились, влюблялись... и огибали ее, словно ручей — малый камень.

А с новым учебным годом в классе появился и новенький одноклассник. Антон. Он остался на второй год по болезни: у него было что-то с позвоночником. Но с Цветой он своими проблемами не делился, конечно. Она ловила слухи из шепотков одноклассниц.

Первого сентября на классном часе Антон сел за последнюю парту, но уже на следующий день спросил Цвету: «Ты одна сидишь?» Цвета вздрогнула, заморгала растерянно, а потом быстро закивала.

Когда-то учителя специально подсаживали к ней одноклассников. Обычно

говорунов, потому что с ней они сразу замолкали. Затухали. Но в старших классах все уже садились как хотели, и ее последняя соседка сбежала к подружке. Наверное, Антон думал, что Цвета поможет ему влиться в коллектив, догнать по пред-метам, освоиться.

И Цвета сразу решила, что он для нее. Что он может ее заметить, выделить. Полюбить. Что он тот принц, который скинет с нее мантию-невидимку. Она не упустит этот шанс, и Антон станет ее другом, а лучше парнем.

Цвете казалось, что она симпатичная, но мальчишки никогда не дергали ее за длинную косу, не дразнили, не увязывались за ней после школы, а позже на дискотеках не приглашали на медленный танец.

Тогда она накупила девчачьих журналов. Стала регулярно красить ногти, не забывать про тушь и блеск для губ. Она попросила у мамы денег и сходила в торговый центр, где сама выбрала себе платье. Ей, правда, больше нравилось ходить в джинсах, но сейчас хотелось просто новую вещь. В своем вкусе.

Она очень редко покупала что-то для себя. Обычно ей всё заказывала мама — с китайского сайта. Розовое, фиолетовое, иногда лазурно-голубое или мятное. Блескущее, шаблонно-девчачье. Хотя сама мама ходила обычно в темном спортивном костюме — работа на улице, да еще собаки со своими лапами и слюнями. Цвета терпела, понимая, что мама, наряжая ее, исполняет собственные мечты и покупает то, что хотела бы носить сама. Она удивилась, когда мама дала ей деньги на шопинг, но даже не посоветовала, что купить. И чуть расстроилась. Порвалась еще одна ниточка их связи. Теперь маме безразлична была и ее одежда.

В магазине Цвета по привычке потянулась к розовому, но вдруг отдернула руку и огляделась. Ведь теперь она могла выбрать одежду любого цвета!

В итоге она взяла коричневое платье из мягкой искусственной замши. Как раз на осень. В нем она себе нравилась. А еще купила блеск с лесными ягодами. Мама ей выдавала обычно с клубникой или вишней.

Цвета была готова лететь навстречу переменам. Теперь и у нее будут длинные переписки по ночам, прогулки за ручку. И объятия. И поцелуи.

Но Антон ничего не сказал про обновку, даже не глянул как следует, только поздоровался равнодушно.

Цвета снова загрузила, но не стала винить парня. Ему, конечно, было не до нее. И ни до кого. Он переживал за потерянный год, ведь теперь был «младше» своих друзей, старался наверстать учебу и явно был не в восторге от внимания новой одноклассницы, да еще троечницы.

Через неделю Антон пересел к Диме. Так Цвета растворилась и для него.

Но она не хотела сдаваться, не хотела исчезать. Поэтому решила сосредоточиться на учебе и подтянуть оценки, чтобы давать Антону списывать, помогая ему с уроками, как тот и надеялся изначально.

Хотя в последнее время с ее здоровьем тоже стало что-то твориться. Ей все время хотелось спать или просто лежать, завернувшись в одеяло, не было сил даже смотреть на экран телефона. Но спать Цвета боялась. Ведь тогда приходил этот жуткий сонный паралич. Тело становилось чужим, а она билась внутри застывшей оболочки, пытаясь найти невидимые нити, чтобы потянуть за них и привести в движение руки и ноги, вернуть управление над этой хитрой конструкцией из мышц и костей. Ведь ее тело было создано для движения, так почему оно отказывалось подчиняться?

Наверно, на нее накатила депрессия. Или что-то типа того.

Но нет, скорее всего, это просто одиночество, которое уже невозможно было выносить.

Ей требовались перемены.

И Цвета возвращалась мыслями к бабушке-знахарке...

Глафира секунду глядела на внучку, а потом резко наклонилась вперед и прихлопнула ладонью чашку. Пальцы с черными земляными ободками вокруг ногтей по-птичьи обхватили тонкий фарфор, и Цвета вздрогнула, решив, что чашка сейчас сомнется сотней трещинок, как пустая яичная скорлупа. Стебель чайной ложечки торчал между сухих коричневых пальцев, точно копьё, пронзившее жертву.

Бабушка вдруг повернулась к холодильнику:

— А ты помалкивай!

Зачем она обращалась к нему? Там кто-то был? Бред.

Глафира вновь посмотрела на внучку — сурово, колюче — и прошипела сквозь зубы, словно выходил воздух из проколотой шины:

— Тебя должны полюбить добровольно! Иначе не будет счастья!

Цветы пружиной взвилась из-за стола, а бабушка тут же выпрямилась, лишь звякнула тревожно ложечка в многострадальной чашке.

— А я счастья и не прошу! Хочу только, чтобы со мной кто-то был! Я устала! Мне одиноко! — выпалила Цвета и сама испугалась своего громкого голоса.

Мама сейчас бы не узнала ее. Окружающие всегда говорили, что ее девочка слишком замкнутая, слишком тихая.

Глафира покачала головой и опустила на табуретку, по-прежнему не убирая ладонь с чашки.

— Мама твоя тоже так говорила...

Все, с нее хватит! Цвета резко вышибла из-под бабушкиной руки чашку с чаем. Малиново-красная вода зловеще растекалась по белой клеенке.

— Да мама своих собак любит больше меня! Как будто я у тебя многого прошу! Чужому ребенку ты помогла, я знаю! А мне — не желаешь! Откупаешься деньгами!

Слезы стыда, обиды и злости обожгли Цвете глаза. Она кинулась к двери, вернее, сделала пару шагов в тесном коридоре, сунула ноги в ботинки и вылетела из квартиры, даже не завязав шнурки.

Уже на улице она все-таки привела себя в порядок, дрожащими пальцами еле справившись со шнурками, а когда выпрямилась, снова увидела кудрявую незнакомку. Та все сидела на скамейке у второго подъезда и теперь с любопытством глядела на нее.

Цвета, еще рассерженная на бабушку, не стала отводить взгляд и с вызовом посмотрела на девчонку, которая уже не напоминала лучик света.

На вид незнакомка казалась ее ровесницей. Часть волос была закручена на макушке пучками-рожками, а распущенные пряди отливали неприятным зеленоватым оттенком — видно, дешевый шампунь оказался слишком ядреным. Да еще из локонов тут и там торчали сухие стебельки и листья. Выглядело это глупо.

Одета незнакомка была в поношенную синюю толстовку не по размеру и черные линялые джинсы. Даже кроссовки ее теперь не казались такими уж белоснежными.

В другое время Цветана просто бы прошла мимо, но сейчас, взвинченная неприятным разговором с бабушкой, сердито бросила незнакомке:

— Чего?

Девчонка удивленно вскинула зеленоватые брови.

— Это ты мне? — уточнила она.

— А ты еще кого-то видишь? — пробурчала Цвета.

— А ты, значит, видишь меня? — с интересом уточнила девчонка.

— Больная, — пробормотала себе под нос Цвета и пошла к остановке.

— Постой! — незнакомка сорвалась со скамейки и подскочила поближе. — У меня к тебе встречный вопрос. Откуда оно у тебя?

— Что? — не поняла Цвета, замедляя шаг.

— Тело.

— Больная, — повторила Цвета, но вопрос незнакомки холодным камушком упал внутрь.

Почему она это спросила? И почему Цвете этот вопрос на самом деле не показался бредовым? Пальцы снова задрожали, и Цветана досадливо сунула руки в карманы ветровки.

— Тебе помочь? — спросила незнакомка, продолжая семенить рядом. — У тебя внутри омут. Уже глубокий.

— Какой такой омут?

Цвета сама не знала, зачем это спросила. Нужно было быстрее идти к остановке, где людей побольше, — уж слишком подозрительно вела себя настырная девчонка. Мама учила, что с такими людьми надо говорить тихим спокойным голосом. И линять побыстрее.

— Омут... Как бы тебе объяснить, — задумалась незнакомка. — Он из тоски, отчаяния, горечи...

Цвета снова сбавила шаг, будто придавленная словами рогатой девчонки.

— Безысходности, обреченности, уныния, обиды, боли... — чеканила незнакомка.

— Хватит, — глухо сказала Цвета.

И почему-то остановилась, словно желая, чтобы странная собеседница дала ей лекарство, ведь она угадала все ее чувства. Она увидела в ней омут.

— Так что тебя гложет? — спросила рогатая.

Цвета заглянула девчонке в глаза. Они были ярко-зеленые, словно ряска. Цвета вновь разозлилась. Чем ей поможет эта встреча с улицы?

— Ты психолог, что ли? — фыркнула она. — Или сектантка? Конечно, внутри меня омут! Ты не знаешь, что со мной происходит! Отца я не видела, мама вся по уши в работе, бабушка — это тупо конверт с деньгами! — Она говорила все громче, не заботясь о случайных прохожих, да никого и не было на этой тихой улочке. — Ты ничего не знаешь! Не знаешь, как мне тяжело!

— А что ты для себя делаешь? — спросила незнакомка с любопытством врача-исследователя, собирающего анамнез. — Чем ты засыпаешь омут?

Цвета оторопела, потом вздохнула: даже крик ее не замечают. Но она задумалась над словами рогатой.

«Чем засыпаю?» В голове мелькнул образ Антона. Ее несбывшиеся фантазии. И обида на бабушку показалась Цвете черной водой этого самого омута.

— Я пришла к бабушке, — прошептала она.

— Но та тебе отказала, — кивнула незнакомка и вдруг добавила весело: — Тогда я тебе помогу!

Цвета нахмурилась. Эта чудная шла за ней, выспрашивала ее, а теперь предлагает помощь? Наверняка ей что-то нужно. И Цвета машинально глянула на руки рогатой в поисках визитки какого-нибудь центра. А потом, словно внутри разжалась пружина, она отбросила подозрения и сказала, точно бросая вызов:

— Ну помоги!

Терять ей было уже нечего.

— Есть что-то острое? — деловито спросила девчонка. — Ножичек? Иголка?

— А зачем? — не поняла Цвета.

— Тебе же приворот нужен?

Цветана остолбенела: откуда незнакомка это знает? Подслушивала под окнами? Неужели Цвета так громко кричала?

Она медленно кивнула.

— Да, нужен.

Но приворот на крови? Ей попадались только жуткие варианты на менструальной. Цвета тогда сразу закрыла вкладку с текстом. Нет, так привязывать к себе Антона она не хотела.

— У меня его фотография есть, — сказала Цвета. — Скачала из интернета и распечатала. Еще есть его карандаш, я попросила специально перед последним уроком и убежала с ним, чтобы не забрал обратно. А вот волосы, ногти и всякое такое раздобыть не смогла.

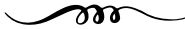
— А что-то острое? — упрямо повторила незнакомка. — Нужна кровь. Твоя. Понимаешь, надо живое. На фото и забытые карандаши нашептывать может разве что шарлатанка.

Цвета сморщилась, как перед чихом, и вдруг подумала, что до сих пор не знает имени этой рогатой девушки. Ничего о ней не знает.

— Так кто ты такая? — спросила она.

Рогатая хитро глянула на нее глазами-болотцами.

— Бесёна. Но люди обычно зовут меня просто бесом.

Глафира сначала порадовалась, что разговор с внучкой вышел коротким. Она вытерла с клеенки и с пола красные лужицы разлитого Цветой чая. Капли походили на кровь. Чайный пакетик она кинула в мусорное ведро, туда же отправились и круассаны. Закончив с уборкой, Глафира выглянула в окно.

У дома никого не было, но наверняка внучка где-то рядом: небось дуется, ходит кругами по двору или сидит на соседней скамейке, думает, как к бабке подступиться. А может, вырвала в приступе ярости бархатцы, те, в углу, которые

из окна не видно. Не уйдет она так просто, не уйдет, но надо было дать ей время остыть.

Наконец Глафира сунула ноги в галоши и без куртки вышла на крыльцо, осматриваясь по сторонам. Внучки не было.

Неужели она так быстро сдалась?

Глафира торопливо зашла за угол дома и увидела, как Цвета идет к остановке.

Она окликнула ее. И еще раз. Но внучка не обернулась.

